

УДК 811.161:81'373.7(035.3)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/79/16

Захотіла Гафа пана тай утратила Івана (несколько филологических наблюдений над новой книгой о русинской фразеологии)

О.В. Никитин

Петрозаводский государственный университет,
185910, Россия, г. Петрозаводск, проспект Ленина, 33

E-mail: olnikitin@yandex.ru

Авторское резюме

Обзорно-критическая статья анализирует «Очерки русинской фразеологии» О.В. Ломакиной и В.М. Мокиенко в контексте славистических исследований малых языков. Отмечается, что фразеологическая система русинского языка системно не исследована, не выявлены её связи с родственными языками в историческом и синхронном срезе. Подчёркивается важность лингвокультурологического изучения фразеологии как своеобразного этномаркёра языковой картины мира русинов. Констатируется, что паремии отражают национально-культурную специфику, сохраняют народные культурологемы и языковую архаику. В то же время этноязыковой ландшафт русинов вообрал в себя интернациональные особенности и символику устойчивых единиц восточнославянских языков. Обращается внимание на необходимость лексикографического описания фразеологизмов в широком этногеографическом пространстве (в диалектах и микродиалектах русинского языка). Освещается роль исторических событий, природных условий, фольклорных мотивов, быта и обрядовой культуры в формировании фразеологической системы микроязыков в целом. Вводится и обосновывается понятие этнолингвомаркёров. Раскрывается их функция в текстах паремий. Подчеркивается целесообразность исследования фразеологизмов русинского языка с точки зрения диахронической семантики и в сравнительно-сопоставительном отношении, а также с позиции анализа переносного значений фразеологических единиц (синхроническая семантика). Сделан вывод об аксиологическом значении паремиологического фонда русинского языка и важности сбережения культурной памяти слова для потомков.

Ключевые слова: славистика, языковые контакты, русинская фразеология, лингвокультурология, этнолингвомаркёр, концептология, аксиология

"Zakhotila gafa pana tay utratila Ivana" (several philological observations on a new book about Rusin phraseology)

Oleg V. Nikitin

Petrozavodsk State University

33 Lenin Prospect, Petrozavodsk, 185910, Russia

E-mail: olnikitin@yandex.ru

Abstract

This critical article examines Olga V. Lomakina and Valerii M. Mokienko's *Essays on Rusin Phraseology* within the broader context of Slavic research on minor languages. The analysis begins by noting that the phraseological system of the Rusin language has not yet been systematically studied, and its historical and synchronic connections to related languages remain largely unidentified. The author emphasizes the importance of a linguo-cultural approach to this phraseology, positioning it as a unique ethno-marker of the Rusin linguistic worldview. The article states that paroemias (traditional proverbs and sayings) reflect national and cultural specificity by preserving folk cultural elements and linguistic archaisms. Simultaneously, the Rusin ethno-linguistic landscape is shown to have incorporated international features and the symbolism of stable units from East Slavic languages. The author draws attention to the pressing need for a comprehensive lexicographic description of phraseological units across the broad ethno-geographical spectrum of Rusin dialects and micro-dialects. A significant role is ascribed to historical events, natural conditions, folklore motifs, everyday life, and ritual culture in shaping the phraseological system of microlanguages in general. Within this framework, the article introduces and substantiates the concept of *ethnolinguistic markers*, delineating their function within paroemic texts. The author concludes that further research into Rusin phraseology should be pursued from both diachronic (historical semantics) and synchronic (figurative meaning) perspectives, alongside a comparative-contrastive approach. The final conclusion underscores the axiological significance of the Rusin language's paremiological fund and asserts the critical importance of preserving this cultural memory of the word for future generations.

Keywords: Slavistics, language contacts, Rusin phraseology, linguoculturology, ethnolinguistic markers, conceptology, axiology

О.В. Ломакина, В.М. Мокиенко

ОЧЕРКИ РУСИНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Москва
Российский университет дружбы народов
2021

Повышенный интерес к фразеологии как к особой системе устойчивых символов и образов языка на протяжении XX–XXI вв. связан с многополярностью лингвистических, историко-культурных, эстетических, художественно-изобразительных средств выражения слова в паремии и богатством их использования в классической литературе и даже в современной речевой практике. Фразеология остаётся наиболее подвижной и в то же время устойчивой к стремительно меняющимся языковым вкусам эпохи. Её стержневое положение в речевом воздействии на современного человека компьютерного века, высокий

коммуникативный потенциал, возможность свободно переходить границы времён и традиций и жить в условиях глобализации культуры говорят об уникальности фразеологических моделей, их сохранности в когнитивном пространстве языка. Примером этого может служить, например, использование крылатых слов, цитат и паремиологических образов из романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» и диалогии И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок» в новых языковых условиях – в интернет-опросах, модернистских текстах, современной публицистике, в неформальной литературе и т.д. [9; 10].

Когда же мы имеем дело с малыми языками, охватывающими сравнительно небольшие ареалы и постоянно находящимися под влиянием официальных литературных языков, то проблема сохранения запечатлённого в образе слова является исключительно важной для идентификации речевой культуры этноса и маркирования его словесных констант [1]. В этом отношении русинский язык имеет особое положение как самый распространённый и занимающий территории нескольких государств, от западных областей Украины до Молдавии и Сербии, так и создающий, по крайней мере, трёхвековую историю, тесно перекликающуюся со славянскими языками, социально-политическими и этническими движениями. Фразеология русинского языка интересна ещё как один из элементов его литературной кодифика-

ции, «ибо фразеология нередко является “консервантом” народных культурологем и языковой архаики» [5: 4].

Обсуждаемая монография заслуживает внимания как первый опыт систематизации лингвистического материала о русинской паремиологии, которая до сих пор изучена недостаточно глубоко. Авторы отмечают, что к настоящему времени исследованы лишь отдельные лексико-семантические фразеогруппы: соматизмы, зоонимы, нумеративы, выражения теологического и демонологического круга, отдельные этнолингвомаркёры, показывающие «культурную память» народа [5: 4–5]. Между тем концепты фразеологической картины мира славянских народов сейчас активно изучаются и в России, и, например, в Белоруссии [6], в Украине, создаются новые фразеологические [11] и этнолингвистические [12] словари, расширяющие пространство *Slavia orthodoxa* и позволяющие освоить культурную семантику фразеологизма в контексте взаимосвязей и взаимовлияний соседних народов.

Монография О.В. Ломакиной и В.М. Мокиенко продолжает эту традицию в оригинальном ключе, позволяющем анализировать познавательный потенциал и ценностные константы русинских паремий на фоне русского и украинского языков (главы I и II), а также исследовать концептуальную дихотомию «Бог – дьявол» в русинской паремиологии и соматическую фразеологию на славянском фоне (главы III и IV). Стоит заметить, что данной публикации предшествовали работы двух авторов по проблемам общей и частной фразеологии, предпринятые на широком историко-культурном и семантическом пространстве словесных метафор восточнославянских языков. Их публиковал в том числе и журнал «Русин» [3; 4], объединяющий усилия гуманитариев разных стран по выявлению и сохранению островков русинской этноязыковой культуры.

Авторы справедливо полагают, что «особая роль в реализации познавательной функции паремий принадлежит *национальным лингвомаркёрам*... которые... могут не иметь прямых аналогов в другом языке...» [5: 7]. Они их называют *этнолингвомаркёрами* [5: 7]. К их числу, по мнению учёных, относятся:

1) антропонимы, передающие национальный (местный) колорит, обладающие особой смысловой наполненностью и «скрытым ассоциативным фоном»;

2) этнонимы;

3) названия предметов и реалий, присущих локальной материальной культуре народа [5: 7–8].

О.В. Ломакина и В.М. Мокиенко считают, что мотивационная зона паремий в разных языках может отличаться, тогда как денотативная

совпадает, что «позволяет сделать вывод о типологическом сходстве пословичного материала разных языков» [5: 8]. При этом ясно, что влияние более крупных языков, контактирующих с русинским, в течение длительного времени оказывало ассимилирующее воздействие на последний и в области фразеологического фонда, который заметно меньше, чем, например, в русском и украинском языках. Учёные полагаются здесь на известный словарь Д. Попа [11] – единственный из лексикографических источников, специально посвящённых русинской паремиологии. Тогда как русская наука имеет полуторавековую традицию словарной фиксации устойчивых элементов речи начиная с фундаментальных лексиконов В.И. Даля и М.И. Михельсона. Можно согласиться с О.В. Ломакиной и В.М. Мокиенко, что «этим фактом отчасти объясняется количественное превосходство русских и украинских паремий по отношению к русинским. В словаре Д. Попа представлен богатый русинский материал, подтверждающий как глубокую генетическую привязку к славянскому языковому пространству (особенно украинскому и русскому), так и достаточно большую долю национально специфических особенностей, обусловленных как генетическими (resp. культурно-историческими) факторами, так и активными языковыми контактами с украинской, словацкой, чешской, а также и с венгерской языковой зоной» [5: 8–9].

Такая количественная асимметрия все же не умаляет значения русинского фразеологического фонда – он как бы включён в общий восточно- и западнославянский ландшафт, является его неотъемлемой частью, но в то же время обнаруживает свои колоритные особенности. Это прежде всего *русинские имена*, которые фигурируют в паремиологических рядах (выделено полужирным шрифтом мной. – О.Н.):

Каже **Маря**, ош была бита, айбо не каже, за што; **Гафа** была **Гафа**, а пан був пан; Захотіла **Гафа** пана тай утратила Івана; Нигда не буде из Івана пана; рус. По Сеньке шапка, по Ерёме кафтан; На безлюдье и Фома дворянин; Мели, Емеля, твоя неделя; Наш Филипп ко всему привык; На бедного Макара все шишки валятся; Чего не знал Ванюша, того не будет знать Иван и др.; укр. По Савці свитка, по пану шапка: Голодному Федоту і ріпа в охоту; Мели, Іване, доки вітер стане; ні сюди Микита ні туди Микита, признається Марія, що її били, але не каже, за що; **Гафія** була **Гафія**, а пан був пан [5: 10]. При этом возможны и переклички имен: **Гафа** – **Иван**.

Авторы подметили такой интересный факт: «К особой категории антропонимов можно отнести исторические имена, маркированные влиянием Австро-Венгерской империи (*Такі розумняки были ищи за **Марії Турійзії***) или созданные искусственно, путем словесного обыгрывания – например, **Мусай** – великий пан, где **Мусай** образовано от

глагола *мусити* 'долженствовать', а сама пословица является калькой со словацкого или чешского (ср. чеш. *Musil je velký pán*)» (здесь и далее в цитатах полужирный курсив мой. – О.Н.) [5: 11].

Учёные обратили внимание и на такую особенность фразеологических компонентов в русинском языке, как использование в контексте *народного* варианта имени вместо официального (*Гафа* вместо *Гафия*). Это же свойственно и русским паремиологическим формам (ср.: *Ерёма* вместо *Еремей*) [5: 11–12].

Другой этнолингвомаркёр русинской фразеологии представлен группой хрононимов – названий праздников, где также обнаруживается тесная связь со славянской паремиологией и народными традициями: *Дав Бог Юря – не замерзне куря*; *На Пётра ледва душа тепла*. Учёные так комментируют эти примеры: «Традиционно у славянских народов Юрьев день был переходом от осени к зиме: *Після Юря восени буде каша і в дурня*. А пословица *У нас два Юрія: один голодний, другий холодний* указывает на то, что Юрьев (Егорииев, День памяти великомученика Георгия Победоносца) отмечался 23 апреля (6 мая), 26 ноября (9 декабря), т. е. весной припасы кончались, было голодно, и в конце осени, когда было холодно» [5: 12–13].

В русинских текстах встречаются также зоонимы (*Укачали Бурку крутые горки*; *Савраска да Каурка – на два века*) и топонимы (*Говорять ги троє на Укліні*; *Родом из Мукачева, а ходом з Ужгорода*) [5: 13].

Довольно значительную группу маркёров, по мнению О.В. Ломакиной и В.М. Мокиенко, составляют этнонимы, где на первое место по частотности употребления учёные выдвигают самоназвание *русин*: *Русин по вашару мудрий*; *По ярмарці русин мудрий*; *Русины до спўванок звикають з пеленок*; *Русины мавуть такий сохташ: пувіч правду, та голову тти провалять*; *У русина слово є слово* и др. [5: 13–14].

Наконец, третья группа – предметы и явления материальной культуры Закарпатья – также широко представлена в русинских текстах: *А пропав бысь, як сўль у окропі*; *Бочкўр до бочкора, а чобўт до чобота*; *Не хвалися бочкорами, бо дідо знає, чиї они*; *Дай грайцарь*; *Не заслужив и поламаного грайцаря*; *Верне тти дївз, як найде на цуравўм мїсті*; *Голова ги дыня*; *Дыня не варить*; *Гандры-на-мандры*; *Ѓўрка їх брынза*; *Заварити каламыйку* [5: 14] и т. д. Здесь собственно русинский компонент может смешиваться с другими языками и иметь схожие паремиологические параллели. Так произошло, как полагают исследователи, с оборотом *заварити каламыйку*, который «генетически несомненно связан с общеизвестным укр. *заварити кашу*, рус. *заварить кашу* и под., имеющим широкий ареал и интенсивную вариантность» в белорусском, чешском, словацком, болгарском и других языках [5: 14]. Авторы книги также замечают, что словакизмы и богемизмы являются

«неотъемлемой составляющей русинского языкового пространства: *Гаром-натроє (гий-руп – та готово); Гуня до гуні, а сірак до сірака; Густі мало хотіти, треба ищи й знати; Не тото файное, што файно, а што кому ся любить; Покуто ти моя; Доста и єдного гриба в полўку; Жебракови ищи й сонце не так світить; Осінь – богачка, а ярь – жебрачка...*» [5: 15].

Ещё одна проблема, которую решают авторы монографии, – ценностные константы русинской паремиологии. На основе анализа более 100 единиц О.В. Ломакина и В.М. Мокиенко выделили главные аксиологические концепты. К ним относятся: «Здоровье – Болезнь», «Вера – Бог», «Трудолюбие – Лень», «Богатство – Бедность». Все эти группы представляют собой символическое осмысление бытийных и сакральных представлений, закреплённых в языке всех трёх восточнославянских народов. Вот, например, какие иллюстрации приводят учёные ко второй группе:

Дав Бог днину – дасть и годіну – укр. Буде день – буде і пожива – рус. Будет день – будет и пища; Гадав имити Бога за ноги, а имив чорта за хвўст – укр. Думав взяти Бога за ноги, а взяв дідька за хвіст – рус. Думал взять Бога за ноги, а взял черта за хвост; Кого Бог бє, того и чорт морить – укр. Коли Бог карає, дідько добавляє – рус. Когда Бог карает, дьявол добавляет; Кого Богови не треба, того и чорт не бере – укр. Кого Бог не хоче, того й дідько не бере – рус. Кого Богу неугодно, того и черт не берет... [5: 21]. Как видим, кроме русинских паремий, здесь присутствуют параллельные пары на русском и украинском языках. Учёные заключают: «Вера относится к числу базовых, общечеловеческих ценностей. Приведённые пословицы демонстрируют связь между верой и Богом, в руках которого находится судьба человека» [5: 24]. Заметим, что в исследованных авторами книги фразеологизмах вера перекликается с мифологическими элементами (противостояние *Бог – чёрт*), но везде присутствует «закодированное» представление о Боге.

Характерным признаком маркирования русинской паремиологии, по обоснованному мнению О.В. Ломакиной и В.М. Мокиенко, является наличие регионализмов в текстах изученных групп, например: **Догаздовов на край** (=дохозяйничался в конец). В первом случае мы наблюдаем глагол, образованный от существительного *газда* 'хозяин', имеющий венгерское происхождение, но восходящий к славянскому **gospoda* [5: 25]. Учёные отметили любопытную особенность пословиц, входящих в группу «Трудолюбие – Лень»: «...с точки зрения отражения ценностных констант русинские, украинские и русские пословицы полностью адекватны, т. к. все они подчёркивают необходимость и значимость труда и осуждение безделья» [5: 27].

В целом изучение пословиц с акцентом на аксиологические черты, согласимся с мнением авторов книги, является перспективным направлением «современной лингвистики, опирающейся на идеи антропоцентризма» [5: 31]. Это особенно важно, когда мы исследуем ментальный образ языка – как в нем сформулированы, выражены ценностные константы, как они менялись с течением времени, как они взаимодействовали с другими языками и т. д. Паремии в таком случае выступают действительно как своего рода зеркало духовных традиций, национального уклада, социокультуры этноса. В этом смысле удачным опытом лексикографирования языка славянских народов был этнолингвистический словарь под редакцией Н.И. Толстого [12]. Полагаем, что его концепцию можно взять за основу создания похожего этнолексикона русинского языка, фразеология которого ярко и достоверно отражает константы местной культуры.

Дихотомия «Бог – дьявол», исследуемая авторами в третьей главе, во многом показательна для понимания религиозного наполнения языка славян, где испокон веков существовала вера в Бога как в светлое, благое начало, противостоящее тьме, «чёрту». Здесь учёные полагаются на определение концепта «Бог», данное в энциклопедии «Славянские древности» [5: 37; 12: 202–203], где говорится в том числе о дуалистическом характере представления о Боге в народной религии славян: небо и правая сторона ассоциировались с божественным, а земля и левая сторона – с дьявольским. В силу значимости этого духовного символа и язык паремий, использующий его, богат смыслами. О.В. Ломакина и В.М. Мокиенко выделили следующие доминанты концепта «Бог» в русинской фразеологии: 1) «наделяющий, оделяющий, дающий» (*Дасть Бог динь, дасть и пожиток ачинь*); 2) «милосердный и справедливый» (*Кого Бог бє, того и чорт морить; Бог судить лем того, ко вразить дакого*); 3) «опора и поддержка в трудностях» (*Змыгайся, небоже, и Бог ти поможе; И Бог не годен каждому вгодити; Ко ся змыгать, тому и Бог помыгать*); 4) «спаситель, помощник» (*Най вам Бог помыгать; Бідному и „Сятый Боже“ не поможе*); 5) «карающий и наказующий» (*Ищи Божа рука на тя впаде – Бог тебе ще покарає – кара небесная на тебя упадет*); 6) «всеведующий, всезнающий» (*А Бог го знає; Видить Бог з неба, што кому треба*) [5: 39–40]. Концепт «чёрт», по мнению авторов, представлен такими семантическими рядами: 1) «чёрт как олицетворение злого, сверхъестественного начала» (*Бойтись, ги чорт ладана*); 2) «карающий, служит олицетворением злого начала» (*Кого Бог бє, того и чорт морить; Кого Богови не треба, того и чорт не бере*); 3) «страшное сверхъестественное существо с рогами, хвостом, копытами» (*гадав имити Бога за ноги, а имив чорта за хвўст Богатый, ги чорт рогатый*);

4) «злой человек» (*позерати ги фрас*) [5: 46]. В этой же главе содержится интересное наблюдение об истории фразеологизма *ні Богів свічка, ні чорту шпичка*, который получил широкое распространение в славянских языках и, как полагают авторы монографии, восходит к исконному восточнославянско-польскому обороту, известному «гораздо раньше его первой фиксации» [5: 50].

Идеи, высказанные в данной главе, послужат хорошей иллюстрацией для проведения дальнейших исследований в области диахронического изучения славянской фразеологии и выявления тем самым семантики исходных образов паремий, «затерянных» в анналах истории. Перспективным также учёные считают выявление польского и словацкого компонентов в семасиологическом ядре русинских фразеологизмов [5: 51].

Не менее интересна так называемая соматическая фразеология, которая в каждом языке обрастает специфическими оттенками и этническими характеристиками, отражающимися в семантике конкретной паремии. Этой проблеме посвящена четвертая глава монографии. Более серьёзным и в то же время сложным, на наш взгляд, был бы историко-культурный анализ, позволяющий реконструировать внутреннюю форму фразеологизма (а не только говорить о смысловых характеристиках в современной плоскости). И такие исследования имеются [5: 55]. Особенно приятно, что авторы использовали «Русинско-русский словарь» И. Керча (2007), в котором соматическая проблематика представлена очень широко [5: 55–57]. Так, например, говоря об истоках употребления таких фразеологизмов, авторы замечают: «Несомненным примером русинско-общеевропейского фразеологического наследия является и выражение *tiġati za nus*. Оно известно как славянским, так и неславянским языкам: бел. *вадзіць за нос*, укр. *водитьи за ніс*, в.-луж. *za nós wodźić*, болг. *водя за нос*а *някого*, х/с *vući / povući (voditi) za nos*; нем. *an der Nase herumziehen (herumtanzen)*; фр. *mener par le nez qn.*; *mener qn par le bout du nez*; англ. *to lead one by the nose* и др. Выражение древнее, известно уже в др.-греч. *τῆς ρίνο* ‘έλχεῖν (у Лукиана и других писателей) – отсюда и его широкая употребительность в современных языках...» [5: 59].

Ещё один пример – *жити на великих ногах* (ср. рус. *жить на широкую ногу*), встречающийся и в словаре Д. Попа [11: 124], – трактуется авторами также в историко-культурном формате, что позволяет глубже понять диахронические ассоциации и влияние реального контекста эпохи на формирование семантики фразеологизма. Однако они опровергают устоявшееся мнение о том, как возникла эта паремия: «История выражения связывается с модой на обувь с длинными, острыми, загнутыми кверху носками, возникшей в Англии XII в. при

короле Генрихе II. У короля был болезненный нарост на большом пальце правой ноги, и поэтому он заказал себе башмаки с длинными носами. Придворные подхватили эту моду. По размерам обуви начали судить о зажиточности и знатности её владельцев, причем единицей измерения служил фут (25–40 см). В XII в., когда такая мода достигла в Европе кульминации, обувь князя, например, была длиной 2,5 фута, барона – 2 фута, рыцаря – 1,5 фута, а у простых горожан – всего лишь 1 фут. У аристократов и каблуки полагалось иметь повыше – в противоположность простому люду. Лишь при Карле V эта мода была упразднена. Историю такой моды, а соответственно и выражения, историки европейской фразеологии связывают и с другими известными лицами – особенно Дж. Плантагенетом, графом Анжуйским, обладавшим якобы тем же недостатком, что и английский король. Такие башмаки французы называли *chaussure à la poulaine* – “башмаки с клювом”...» [5: 60–61]. О.В. Ломакина и В.М. Мокиенко возражают против такой «исторической» красочности толкования происхождения данного выражения, потому что оно известно было и простому народу, а его многочисленные варианты уже давно закрепились в «просторечном» менталитете: «Вполне возможно поэтому, что выражение на большую ногу и его варианты возникло в народной речи и отталкивается от универсальной метрической символики ноги, отражённой и метрической терминологией разных языков – англ. *фут*, рус. *стопа* и др. На большую или широкую ногу первоначально служило мерилom расстояния и лишь потом развило переносное значение на основе естественной ассоциации “мощного” человека и широкого шага с сильным и влиятельным человеком (ср. *исполинскими шагами*, *семимильными шагами* или *одна нога здесь – другая там*). Собственно, и внутренняя логика исторического анекдота о башмаках Генриха II противоречит логике выражения: последнее имело бы форму *жить на длинную (или остроносую) ногу*, а не *на большую и широкую*» [5: 61]. И таких любопытных моментов в этой части книги немало, что снова подчёркивает ценность *историко-лингвистического* анализа не только русинской фразеологии, но и вообще славянской и в её контексте – общеевропейской.

Проблема фронтального изучения русинской фразеологии только начинается. Данная монография показала, насколько живой, лингвистически, исторически и культурно значимой она является для понимания языковой картины мира славянства. Яркая образность, символичность паремиологических сюжетов, их общие генетические, смысловые связи, выявляемые в фразеологическом фонде других славянских языков, доказывают важность восстановления ещё одной лакуны «русиноведения» и в дальнейшем, возможно, составления

научного фразеологического словаря русинского языка с необходимыми историко-культурными и этимологическими комментариями. Думается, что стоило бы продолжить работу по выявлению и фиксации оригинальных текстов разных эпох (подобно тому как это сделал в своей хрестоматии А.Д. Дуличенко [2]), обратить внимание на современную художественную литературу, найти и проанализировать актуальные русинские тексты разных жанров, чтобы составить более полную картину развития фразеологической системы этого языка.

Интерес к обозначенной проблеме, судя по недавним публикациям В.М. Мокиенко 2022 и 2023 гг. на эту тему, не угасает [7; 8]. Учёный находит новые интересные ракурсы исследования паремиологического наследия русинского языка, доказывает жизненность его речевых формул, их высокий эстетический потенциал и красоту словесного выражения. Значит, на этой ниве будущих исследователей ещё ждут новые открытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дуличенко А.Д. Славянские литературные микроязыки: вопросы формирования и развития. Таллин: Валгус, 1981.
2. Дуличенко А.Д. Славянские литературные микроязыки. Образцы текстов. Т. I–II. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 2003–2004. 419 с. + 398 с.
3. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков // Русин. 2016. № 3 (45). С. 119–128. doi: 10.17223/18572685/45/9
4. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. 2018. № 4 (54). С. 303–317. doi: 10.17223/18572685/54/18
5. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Очерки русинской фразеологии. М.: РУДН, 2021.
6. Ляшчынская В.А. Базавыя канцэпты фразеалагічнай карціны свету беларусаў. Мінск: РІВШ, 2015.
7. Мокиенко В.М. Из паремиологического наследия русинского языка (орнитоним *куриця*, *курка*) // Русин. 2022. № 68. С. 184–207. doi: 10.17223/18572685/68/9
8. Мокиенко В.М. Русинский Бог в пословицах и поговорках // Русин. 2023. № 71. С. 163–182. doi: 10.17223/18572685/71/7
9. Мокиенко В.М., Сидоренко К.П. Крылатые слова диалогии Ильи Ильфа и Евгения Петрова («Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок»): Словарь-справочник. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2021.
10. Мокиенко В.М., Сидоренко К.П. «Мой дядя самых честных правил»:

Крылатые слова, цитаты, образы из романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Опыт словаря. СПб.: ЛЕМА, 2022.

11. Поп Д. Русинско-украинско-русский и русско-русинско-украинский фразеологические словари. Ужгород: [Б/и], 2011.

12. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. Т. 1: А–Г. М.: Международные отношения, 1995.

REFERENCES

1. Dulichenko, A.D. (1981) *Slavyanskije literaturnye mikroyazyki: voprosy formirovaniya i razvitiya* [Slavic literary microlanguages: Problems of formation and development]. Tallin: Balgus.

2. Dulichenko, A.D. (2003–2004) *Slavyanskije literaturnye mikroyazyki. Obraztsy tekstov* [Slavic literary microlanguages. Sample texts]. Tartu: Tartu University Press.

3. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2016) Cognitive potential of Rusin proverbs compared with those in the Russian and Ukrainian languages. *Rusin*. 3(45). pp. 119–128 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/45/9

4. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2018) Value constants of the Rusin paremiology (compared with the Ukrainian and Russian languages). *Rusin*. 4(54). pp. 303–317 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/54/18

5. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2021) *Oчерки rusinskoy frazeologii* [Essays on Rusin phraseology]. Moscow: RUDN.

6. Lyashchynskaya, V.A. (2015) *Bazavyya kantsepty frazealogichnay kartsiny svetu belarusau* [Basic concepts of the phraseological worldview of Belarusians]. Minsk: RIVSh.

7. Mokienko, V.M. (2022) From the paremiological heritage of the Rusin language (ornithonyms ‘kuritsya’, ‘kurka’). *Rusin*. 68. pp. 184–207 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/68/9

8. Mokienko, V.M. (2023) The Rusin *Bog* in proverbs and sayings. *Rusin*. 71. pp. 163–182 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/71/7

9. Mokienko, V.M. & Sidorenko K.P. (2021) *Krylatye slova dilogii Il’i Il’fa i Evgeniya Petrova (“Dvenadtsat’ stul’ev” i “Zolotoy telenok”): Slovar’-spravochnik* [Popular expressions of Ilya Ilf and Evgenii Petrov’s dilogy (“The Twelve Chairs” and “The Golden Calf”): Explanatory Dictionary. St. Petersburg: The Herzen State Pedagogical University of Russia.

10. Mokienko, V.M. & Sidorenko, K.P. (2022) *“Moy dyadya samykh chestnykh pravil”*: *Krylatye slova, tsitaty, obrazy iz romana v stikhakh A.S. Pushkina “Evgeniy Onegin”*: *Opyt slovarya* [“My uncle, of most honest principles...”: Catchphrases, Quotes, and Images from Aleksandr Pushkin’s Novel in Verse *Eugene Onegin*: Towards a Dictionary]. St. Petersburg: LEMA.

11. Pop, D. (2011) *Rusinsko-ukrainsko-russkiy i russko-rusinsko-ukrainskiy frazeologicheskie slovari* [The Rusin-Ukrainian-Russian and Russian-Ukrainian-Rusin Phraseological Dictionary]. Uzhhorod: [s.n.].

12. Tolstoy, N.I. (ed.) (1995) *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities. An Ethnolinguistic Dictionary]. Vol. 1. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

Никитин Олег Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Петрозаводского государственного университета (Россия).

Oleg V. Nikitin – Petrozavodsk State University (Russia).

E-mail: olnikitin@yandex.ru